

Приговор Шэнь Цяньлуну вынесли быстро: двенадцать лет лишения свободы за мошенничество в особо крупном размере и умышленное причинение вреда здоровью.

На судебное заседание Шэнь Цзя пришёл один.

Сидя в зале, он наблюдал, как Шэнь Цяньлун пополз на коленях, забился в истерику и во всё горло закричал: «Это не моя вина! Всё из-за сына, всё из-за него!» И именно в то мгновение Шэнь Цзя вдруг понял: ненависти больше нет.

Не потому, что он простил. Просто потратить на этого человека хотя бы каплю чувств казалось теперь неоправданной роскошью.

В детстве Шэнь Цзя изводил себя мыслями о собственной вине. Ему казалось, стоит стать послушнее, кротче, ласковее — и прежний отец, когда-то души в нём не чаявший, непременно вернётся.

Позже, повзрослев, он узнал, что такое ненависть. Он люто ненавидел Шэнь Цяньлуна за причинённую боль: ведь они были родной кровью, отцом и сыном, но именно от него Шэнь Цзя получил самые глубокие и незаживающие раны.

Появление Юй Сянхана лишь подлило масла в огонь. Сянхан пытался оградить его от отца, но со временем Шэнь Цзя начал замечать в его взгляде раздражение и глухую усталость. Это жгло изнутри ещё сильнее. Шэнь Цзя проклинал Шэнь Цяньлуна за то, что тот вечно становился глухой стеной на его пути к счастью.

Но теперь всё прошло. До Шэнь Цзя наконец дошло: у жестокости Шэнь Цяньлуна никогда не было причин.

Вся его прежняя злость была лишь обидой за то, насколько обесценилась сыновняя любовь. Обидой на то, что человек из детских воспоминаний — тот самый, который кружил его на руках и покупал мороженое, — вдруг взял и разлюбил.

И, строго говоря, Шэнь Цзя ненавидел не столько отца, сколько собственное бессилие перед утратой. Свою неспособность быть любимым.

Когда судья огласил вердикт и опустил деревянный молоточек, по щекам Шэнь Цзя хлынули слёзы.

Обвинительный приговор принёс долгожданное освобождение. Это была не его вина — отцовская.

Он получал удары не потому, что был недостойн любви, а потому, что ранить способен лишь тот, кто не любит.

С первой предательской трещины прошлые чувства теряют силу. Искать причины или пытаться всё исправить — лишь латать дыры в дырявом корыте.

Шэнь Цзя вышел из здания суда и стал спускаться по широкой лестнице. Его хрупкая фигура выпрямилась, шаг стал лёгким, ветерок заиграл прядями у лба. Он поневоле поднял взгляд к бескрайней синеве яркого неба, и в уголках его влажных глаз затеплилась кроткая улыбка.

— Какая сегодня замечательная погода...

Тихая мысль в его голове прозвучала в унисон со знакомым мужским голосом. Шэнь Цзя опустил взгляд: у подножия ступеней стоял Чжоу Цзыфэй, закинув голову и тепло ему улыбаясь.

— Как ты здесь оказался?

— Приехал забрать Учителя Шэня. Помню, ты просил не беспокоиться, но у меня тут как раз возникли дела неподалёку. Вот и решил заскочить по пути.

— Какая-то... встреча?

Шэнь Цзя сжал в кулаке ремень безопасности и краешком глаза взглянул на мужчину за рулём.

На Чжоу Цзыфэе была свободная клетчатая рубашка поверх простой белой футболки. Выглядел он непринуждённо, словно и впрямь заехал между делом.

Последнее время Шэнь Цзя только и думал о том, как бы расставить все точки над «i», но Цзыфэй проявлял редкую изворотливость: ловко уводил разговор в сторону, не оставляя ни малейшего шанса для решительного отказа.

— Ездил на тренировку. Скоро очередные соревнования. Учитель Шэнь, придёшь посмотреть?

Чжоу Цзыфэй затормозил возле нужного подъезда и повернулся к спутнику, но тот лишь отвернулся к окну, храня упорное молчание.

Стараниями Цзыфэя, который изо дня в день привозил ему обеды, наваристые бульоны и десерты, лично следя за каждым съеденным куском, Шэнь Цзя заметно поправился. На щеках появился мягкий румянец, фарфоровая кожа напиталась свежестью — сразу видно, о человеке заботятся с трепетной окружённостью.

Вот и сейчас, сжав губы и чуть надув щёки, он выглядел совсем как обиженный ребёнок, отчего казался намного моложе своих лет.

Чжоу Цзыфэй уставился на эту трогательную округлость, и в его глазах вспыхнул искренний восторг. Растаяв от умиления, он смягчил тон и заговорил, словно уговаривал капризного малыша:

— Учитель Шэнь, ну пожалуйста, сходи! Эта игра очень важна для меня. Если тебя не будет на трибуне, у меня даже руки опустятся. Учитель Шэнь, я очень прошу, согласишься, а? Ну пожалуйста! Учитель Шэнь... Ну я очень-очень прошу!..

Цзыфэй прекрасно видел все сомнения Шэнь Цзя и понимал, что тот намеревается оттолкнуть его, но намеренно включал дурачка и липнул к нему при первой возможности.

Шэнь Цзя жаждал выстроить дистанцию, а значит, давать слабинку или играть в холодность было смертельно опасно.

Чжоу Цзыфэй уяснил для себя раз и навсегда: раз уж пошёл в наступление, о гордости и стыде придётся забыть. Будешь скромничать — останешься без любимого!

— Учитель Шэнь... Самый лучший Учитель Шэнь на свете... Ну сжался надо мной!

Видя, как парень всё ближе подбирается к нему и уже хватается за край рукава, Шэнь Цзя вспыхнул до самых кончиков ушей. Пробормотав скомканное прощание, он рванул ручку двери, но забытый ремень безопасности с силой дёрнул его назад, заставив неуклюже плюхнуться обратно в кресло.

Чжоу Цзыфэй не выдержал и звонко расхохотался. Залившись пунцовой краской, Шэнь Цзя наградил его редким для себя — смущённым и донельзя сердитым — взглядом.

Впрочем, угрозы в этом строгом взоре не было ни на грош. Выгнутые, лучистые глаза Шэнь Цзя даже в гневе выглядели так, будто он кокетничает. Строгий мысленный удар в восприятии Цзыфэя превратился в ласковый крючок, заставивший сердце сладостно сжаться.

— Ч-что тут смешного? Перестань!

Шэнь Цзя действительно задело. В душе он вовсю досадовал: и зачем только Чжоу Цзыфэй вылез с этим признанием? Разве нельзя было остаться просто друзьями?

Теперь он понятия не имел, как себя вести. А этому хоть бы что! Делает вид, будто ничего не произошло, дерзит ещё пуще прежнего, а теперь вот вообще открыто над ним насмехается!

Шэнь Цзя с досадой отщёлкнул замок ремня и вознамерился выскочить наружу.

Он и не подозревал, что наглости прибавилось не только у Цзыфэя, но и у него самого.

Раньше в их общении Шэнь Цзя постоянно дёргал себя за поводья, зная, как сильно тот к нему привязан, и оглядывался на каждый свой шаг.

А теперь — поди ж ты! — спокойно капризничает и показывает характер.

— Эй, Учитель Шэнь, стой! Я виноват, сдаюсь, виноват!

Цзыфэй ловко подхватил его за локоть, возвращая на место. Шэнь Цзя для приличия попытался вырваться, но всё же уступил и снова опустился на сиденье.

— Не сердись, Учитель Шэнь. Я правда не должен был смеяться. Просто ты такой милый... Рядом с тобой любая мелочь приносит столько радости, что удержаться невозможно. Прости, в следующий раз буду держать себя в руках.

Цзыфэй говорил настолько искренне, что сердце Шэнь Цзя поначалу обдало непонятным, щемящим теплом. Но фраза «в следующий раз буду держать себя в руках» отозвалась неожиданным уколом досады. Он ведь такой скучный человек. Неуклюжий, пресный... И вот, когда кто-то наконец признался, что ему легко и весело рядом с ним, он всё испортил своей вспышкой...

Шэнь Цзя почувствовал себя котёнком, запутавшимся в пряже: в груди поднялась липкая, беспомощная тревога.

Он совершенно не умел распутывать подобные узлы. Настоящий недотёпа, дурак, способный превратить искреннее расположение в сплошной хаос!

И когда он уже готов был отчаяться и выпалить решительное: «Не приходи больше и не люби меня!», Чжоу Цзыфэй перебил его мысли:

— Чтобы загладить вину и сохранить за собой право радоваться рядом с тобой, разреши пригласить тебя на мой матч.

В ладонь Шэнь Цзя ткнулась плотная карточка. Взглянув вниз, он увидел алый билет с золотым тиснением.

— Это пропуск в трибуну и за кулисы. Как приедешь, сразу иди ко мне, ладно? И-и тоже будет там. Поверь, он обрадуется тебе ещё сильнее, чем я.

Чжоу Цзыфэй замер совсем рядом: одна его рука покоилась на спинке сиденья Шэнь Цзя, другая упиралась в приборную панель. Он продолжал открыто улыбаться, будто понятия не имел о том, какая буря сумбурных мыслей бушует у собеседника в голове.

Встретившись с этим пристальным, внимательным взглядом, Шэнь Цзя окончательно сдался и беспомощно кивнул.

«Ладно, в последний раз, — решил он. — Только один раз. А потом, что бы Цзыфэй ни говорил и ни делал, я расставляю все точки над "i"».

Заметив этот кивок, Чжоу Цзыфэй расцвёл на глазах. Он суетливо выскочил из машины, подскочил с его стороны, чтобы распахнуть дверцу, и с готовностью проводил Шэнь Цзя до самой квартиры. Лишь убедившись, что тот дома, он со спокойной душой отправился обратно.

Проследив за тем, как парень перепрыгивает через две ступеньки, сбегая вниз, Шэнь Цзя прикрыл дверь и с лёгким смешком качнул головой. Пожалуй, только в такие моменты Цзыфэй напоминал безусого юнца двадцати с небольшим лет.

Не успел он дойти до гостиной, как с улицы донёсся громкий, до боли знакомый оклик:

— Учитель Шэнь!

В голове Шэнь Цзя за какую-то долю секунды пронеслась вереница диких догадок.

«Что он удумал? Зачем кричит под окнами? Что собрался сказать? Он же не собирается устраивать тут сцену из драмы с признанием в любви?!»

...

А затем осталась лишь одна-единственная мысль:

«Он что, совсем с ума сошёл?! Как можно орать на весь двор?!»

Шэнь Цзя выскочил на балкон, с шумом распахнул створку и высунулся наружу. Внизу, прямо под окнами третьего этажа, стоял рыжеволосый парень, сложив ладони рупором у рта.

— Ты что кричишь?!

Сердце Шэнь Цзя заколотилось как бешеное. Видя, как Цзыфэй набирает полную грудь воздуха, он буквально затаил дыхание.

— Учитель Шэнь! До выходных!

Выкрикнув это, Цзыфэй широким, открытым жестом помахал ему рукой, яркая улыбка озарила его лицо.

На мгновение Шэнь Цзя показалось, будто эта улыбка уже вспыхивала когда-то в его памяти... Только не под ясным небом, а одной дождливой ночью.

Однако погрузиться в воспоминания он не успел: парень указал пальцем на свой телефон, давая понять, что отправил сообщение.

Шэнь Цзя разблокировал экран. На дисплее висел текст:

[Учитель Шэнь, ты ведь правда придёшь в эти выходные, да?]

Едва он собрался набрать ответ, как поверх появился давно затихший диалог. Шэнь Цзя не стал вчитываться и просто смахнул уведомление.

Вдумчиво, взвешивая каждое слово, он отстучал Цзыфэю:

[Приду. Я же обещал]

Ответ прилетел мгновенно — гифка с задорно пританцовывающим щенком. Шэнь Цзя редко пользовался стикерами, но этот вызвал у него невольную улыбку. Сохранив его в избранное, он написал:

[А этот щенок на тебя похож]

Цзыфэй тут же прислал насупленную пёсью мордочку, а вслед за ней — щенка, который гордо выпятил грудь и довольный виляет хвостом.

Переписка тянулась легко и непринуждённо, пока курьер не доставил ужин, заказанный Цзыфэем. Лишь тогда парень попрощался, велев Шэнь Цзя немедленно садиться за еду.

И только разложив порции, Шэнь Цзя вспомнил про пропущенное сообщение. Он открыл смахнутый ранее чат. Там было написано:

[С делом Шэнь Цяньлуна всё кончено?]

На мгновение заколебавшись, Шэнь Цзя отправил короткое:

[Да]

На том конце, похоже, потеряли дар речи — больше ни одного слова не поступило. Пожав плечами, Шэнь Цзя отложил телефон.

Когда с ужином и вечерними приготовлениями было покончено, экран снова вспыхнул. Прочитав новое послание, Шэнь Цзя замер.

Переведя взгляд за панорамное окно, он посмотрел в тёмную глубину двора, расцвеченную жёлтыми квадратами чужих окон.

Первые месяцы после развода эти светящиеся окошки вызывали у него лишь щемящую тоску и глухую зависть.

Ведь когда-то и у него был свой дом, где вечерами горел такой же тёплый свет.

А перебравшись сюда и оставшись в одиночестве, он чувствовал лишь мрак и холод, сколько бы ламп ни зажигал вокруг.

Телефон в руке снова вздрогнул от очередного текста. Шэнь Цзя молча вглядывался в строчки и наконец отстучал ответ:

[Нет. Мы разведены]

Эта сухая фраза поставила жирную точку. Поток сообщений от Юй Сянхана оборвался, и до самого утра телефон больше не издал ни звука.

<http://bllate.org/book/19971/1985875>